

Содержание

Глава 1. Соппротивление диктатуре зла	7
Глава 2. «Я православный. Мы крестимся иначе»	17
Глава 3. Встреча с бесчеловечностью	26
Глава 4. Сближение	40
Глава 5. Книги и наставники	48
Глава 6. Черные дни	57
Глава 7. Открыть миру правду	67
Глава 8. Кровь под березами	74
Глава 9. Отец Александр	82
Глава 10. «Мы не будем молчать»	90
Глава 11. «Из глубокой ночи мы устремляемся к свету»	96
Глава 12. «Мы встретимся в вечности»	104
Глава 13. «Разыскивается преступник. Вознаграждение 1000 марок»	112
Глава 14. Когда? Где? Как? С кем?	118
Глава 15. Перед народным трибуналом	131
Глава 16. Курс на небеса	142
Глава 17. «Не забывайте Бога»	150
Глава 18. «Вы умерли не напрасно»	156
Глава 19. Служить правде	167
Глава 20. Святой для нашего времени	177
Житие святителя Анфима Никомидийского (3/16 сентября)	183
Хронология событий	188
Послесловие к русскому изданию	192
Библиография	197
Фотодокументы	202

СОПРОТИВЛЕНИЕ ДИКТАТУРЕ ЗЛА

«**О**казался наш XX век жесточе предыдущих», — провозгласил Александр Солженицын в Нобелевской лекции 1972 года. Но, как сказал апостол Павел: *когда умножился грех, стала преизобиловать благодать* (Рим. 5: 20). И потому нет ничего удивительного, что прошлое столетие дало множество православных святых, большинство из которых — мученики. В их числе и святой Александр Мюнхенский, удивительно светлый человек, чей подвиг не может не вдохновлять. Его короткая, но яркая жизнь завершилась мученической смертью в 1943 году.

Подвижники XX века близки к нам по времени, и в этом есть свои радости и трудности. С одной стороны, сохранились письма, дневники, воспоминания, документы, позволяющие в подробностях изучить, какими они были, как жили и как умерли. Воссоздать в таких деталях биографии святых предыдущих веков непросто. С другой стороны, приходится признать, что мученики прошлого столетия были обычными людьми, во многом похожими на нас. Они жили примерно так, как мы, одевались, как мы, а не в старинные одеяния, изображаемые

на иконах. Как тут не озадачиться? Одна из близких знакомых Александра Шмореля Лило Рамдор прекрасно выразила это чувство, отозвавшись на новость о его прославлении Русской Православной Церковью в 2012 году: «Он бы от души посмеялся, если б узнал об этом. Он не был святым, он был всего лишь обычным человеком»¹.

Да, Александр был обычным человеком. Но как же вышло, что нормальный жизнелюбивый юноша решился пойти на огромный риск, а потом и пожертвовал своей жизнью? Что толкнуло его на подвиг? Что придавало силы ему и его друзьям, студентам Мюнхенского университета, членам антифашистского кружка, известного теперь всему миру как «Белая роза»? Они были первыми в Германии, кто возвысил голос против Гитлера. Они сохранили глубокую веру, преданность своим убеждениям и культурным ценностям Германии, когда нацизм последовательно и жестоко уничтожал их. Откуда у Александра и его соратников взялось такое мужество, чтобы призвать соотечественников дать отпор богоборческому режиму? И может ли обыкновенный человек на самом деле стать святым?

Прежде чем искать ответы на эти вопросы, попробуем понять, в какую эпоху разворачивалась история Александра и его бесстрашных друзей.

¹ Из интервью Лило Рамдор «Би-би-си». Лило Рамдор умерла в возрасте 99 лет в мае 2013-го, через год после прославления Александра Шмореля.

С приходом к власти Адольфа Гитлера в Германии началось насаждение национал-социализма везде и повсюду. Некоторые немцы (многие из них побуждаемые христианской совестью) чувствовали, что необходимо как-то противостоять системе, разрушающей все, во что они верили, стремившейся подавлять и контролировать все кругом. Германия превратилась в страну, где нельзя было выражать вслух то, что подсказывают ум и сердце, и невозможно прямо назвать ложь и зло своими именами.

Соппротивление нацистскому движению в Германии не было массовым, однако среди противников национал-социализма были люди разного общественного положения и разных убеждений: монархисты и коммунисты, протестантские пасторы и католические священники, фермеры и аристократы, студенты и высшее офицерство. Люди оказывались в оппозиции к режиму, потому что придерживались иных политических взглядов, этических и религиозных принципов. Часто внутреннее неприятие нацизма внешне проявлялось в чем-то незначительном, например, в использовании традиционного баварского приветствия «грюсс Готт» («да благословит вас Бог») вместо принятого «хайль Гитлер». Некоторые осмеливались даже критиковать фюрера — но только в близком кругу.

Но были и те, кто выражал свое отношение к системе более последовательно и явно. Они отказывались подчиняться навязанным фашистами законам и правилам и старались действовать

по велению совести. Несмотря на общественное давление, не желали вступать в нацистскую партию или в молодежный союз гитлерюгенд, хотя и понимали, что это может привести к печальным последствиям. Опасность грозила тем, кто укрывал в своем доме евреев, продавцам магазинов, обслуживавшим евреев, школьным учителям, принимавшим в класс еврейских детей. Все эти люди нарушали установленные правила и могли подвергнуться наказанию, как преступники.

Наиболее отчаянные пытались устроить государственный переворот и даже убить Гитлера — так, 20 июля 1944 года было совершено неудачное покушение (заговор, именуемый операция «Валькирия», был раскрыт).

Христианские идеалы играли большую роль в противостоянии нацизму независимо от того, было ли оно деятельным или пассивным. Разрушая уклад немецкой жизни, Гитлер и его партия сперва неявно выражали свою неприязнь к христианству, затем открыто ополчились против него. В этой борьбе все средства были хороши. Национал-социализм выставлял себя не просто новой идеологией, фюрер говорил, что ждет от сограждан «обращения в новую веру». Отсюда и ненависть к христианству, потому что «человек может быть либо христианином, либо немцем. И то и другое одновременно невозможно».

Стремясь уничтожить все, что связано с христианством, Гитлер закрывал мужские и женские монастыри и христианские школы. Запрещались

паломничества и религиозные процессии. Началась травля священнослужителей и репрессии: несогласных арестовывали, заключали в концлагеря, казнили. Государство хотело полностью подчинить себе протестантов и католиков и создать подконтрольную нацистам единую протестантскую церковь — впоследствии в обиходе она получила название «церковь Третьего рейха».

Чтобы ослабить влияние христианства, нацисты придумали новый культ, «новую форму» христианства (на деле пародийную) — так называемое позитивное христианство. Эта «героическая» религия должна была прийти на смену прежней — «ослабляющей», твердящей о греховности человека, призывающей к милосердию и состраданию к слабым. Кроме того, христианскую веру надо было очистить от ветхозаветных («еврейских») элементов — как власть очищала от евреев немецкое общество. Из иудея Христа превратили в арийского героя. Были созданы новые ритуалы, например, свадебные и похоронные. Вместо рождественских праздников стали торжественно отмечать зимнее солнцестояние.

Свастика (по-немецки Hakenkreuz — крюко-вой крест) заменила крест и распятие в школах и общественных зданиях.

В обряд установленного нацистами праздника урожая входило такое «благодарение», ставшее «символом веры» новой псевдорелигии:

«Верую в откровение Божественной творческой силы и в чистую Кровь, пролитую на войне

и в мирное время сынами германского народа, пропитавшую эту землю и освятившую ее; воскресшую и живущую и поныне во всех тех, ради кого принесена эта жертва.

Верую в вечную жизнь на земле этой Крови, пролитой и воскресшей во всех, кто сознает смысл принесенной жертвы и готов сам пожертвовать собой...

Верую в вечного Бога, вечную Германию и вечную жизнь».

Появились и своеобразные нацистские «молитвы». Вот славословие, которое произносили дети-сироты в интернате:

«О фюрер, мой фюрер, посланный мне Богом!
Защити и поддержи меня.
Я благодарю за хлеб насущный тебя,
Всегда служившего Германии в трудный час.
Пребуди со мной и не оставляй меня никогда,
О фюрер, мой фюрер, мое упование и мой свет».

Для нацистов было особенно важно повлиять на юные умы, поэтому они вели активную политическую пропаганду среди детей. Религиозные молодежные объединения (в основном католические) запретили; всех подростков обязали вступать в гитлерюгенд. Собрания этой организации проходили утром по воскресеньям. На них пели богохульные песни. Посвящение в члены юношеского союза намеренно проводили ближе к дню Святой Троицы, когда католики традиционно

совершают конфирмацию — таинство Миропомазания, к которому приступают дети 7–12 лет.

Но в противовес гитлеровской «церкви Третьего рейха» появилась Церковь Исповедующая, в которую вошли пасторы и прихожане протестантских общин. Наиболее известные деятели этого движения — Мартин Нимёллер и Дитрих Бонхоффер. Оба пострадали за свою деятельность: Нимёллер пережил заключение в концлагере Дахау; Бонхоффер был казнен в апреле 1945 года.

Когда в 1934 году с амвонов Исповедующей Церкви прозвучало заявление, что Церковь подчиняется не мирскому правителю, то есть фюреру, а только Богу и Священному Писанию, фашистское государство не стало медлить с арестами.

В Вербное воскресенье 1937 года во всех католических приходах Германии зачитали папскую энциклику «С огромной обеспокоенностью...» («Mit brennender Sorge...»). В послании, тайно доставленном в Германию и подпольно размноженном в католических типографиях, папа Пий XI осудил нацистов: их расовую теорию, неоязычество, кощунственное отрицание Ветхого Завета, попытку сделать из государства нового идола. Тут же последовали репрессии: на священников заводили уголовные дела по сфабрикованным поводам (например, за аморальное поведение); типографии, печатавшие католическую литературу, были закрыты.

Не только священнослужители называли нацизм воплощением зла. Многие из тех, кто

сопротивлялись нацистам или участвовали в антигитлеровских заговорах, мечтая свергнуть фюрера, делали это, так как считали, что он разрушает нравственность и духовность немецкого народа.

Гельмут Джеймс фон Мольтке, офицер абвера (немецкой военной разведки), писал в 1942-м: «Активная часть немецкого народа начинает осознавать, что происходит. Речь не о том, что людей повели неверным путем, не о том, что их ожидают трудные времена, и не о том, что война может закончиться поражением. Люди вдруг поняли, что совершается грех и что они лично ответственны за каждое злодеяние — конечно, не в обычном земном смысле, но как христиане».

Фон Мольтке входил в тайный кружок «Крейзау». Члены этого общества интеллектуалов обсуждали, как после падения Гитлера и национал-социализма возродить и обустроить Германию на христианских принципах: они не сомневались, что режим вскоре падет. Возрождение должно было коснуться не только политики, социальной жизни и быта — необходимо было вылечить искалеченные души, сердца, умы немцев. Фон Мольтке и других участников объединения обвинили в государственной измене и казнили.

В среде немецкой молодежи тоже появились группировки, по-разному выражавшие свое неприятие фашистской диктатуры. Подростки — выходцы из рабочего класса индустриальных регионов Германии — объединялись в банды,

известные как «Пираты Эдельвейса». Они ненавидели муштру и военную дисциплину, насаждаемую гитлерюгендом, и хотели проводить свободное время как им нравится. Время от времени они устраивали стычки с активистами гитлерюгенда, нападали на них и жестоко избивали. С началом войны банды стали еще агрессивнее: саботировали общественные работы, прятали дезертиров и убивали гестаповцев.

Молодежь среднего класса и дети состоятельных родителей по-своему протестовали против введенных нацистами культурных ограничений. Юноши и девушки собирались в клубах, где играли американский джаз. Нацисты запрещали такую музыку, утверждая, что ее создают «расово неполноценные» люди. Представители «свингюгенда» — «свингующей молодежи» — здоровались друг с другом, выкрикивая «свинг хайль!», и подражали в одежде британским и американским кинозвездам.

Гестапо охотилось и на «пиратов», и на «свингюгендов». Сотни молодых людей были отправлены в тюрьму или заключены в концлагеря для несовершеннолетних преступников. Наиболее радикальных участников сопротивления, как правило, казнили.

Группу студентов Мюнхенского университета побудили восстать против тирании национал-социализма голос совести и преданность высоким христианским идеалам. Они считали, что, стремясь путем насилия и террора достичь

господства над всеми сторонами человеческой жизни, власти лишают немцев духовной свободы. Им было горько смотреть, как Третий рейх приносит тысячи жизней в жертву бессмысленной войне. Друзья написали шесть воззваний, подписав их: «Белая роза», размножили и, рискуя жизнью, распространили в разных городах. В этих листовках звучали смелые и красноречивые призывы к немцам оставить свое равнодушие, воспротивиться коварному гнету гитлеровского режима и таким образом «выполнить свой долг как носителей христианской и европейской культуры»².

В итоге пятеро студентов в возрасте от 21 до 25 лет³ и преподаватель были приговорены к смертной казни и умерли на гильотине в 1943-м. Среди них один православный — Александр Шморель, прославленный как мученик Русской Православной Церковью в 2012 году.

² Из первого воззвания «Белой розы». Здесь и далее русский текст листовок «Белой розы» приводится по: Храмов И.В. Святой Александр Мюнхенский. Оренбург, 2017 (с уточнениями).

³ Софи был 21 год, Кристофу Пробсту — 23 года (у него было трое маленьких детей), Гансу Шолю и Вилли Графу — 24 года, Александру Шморелю — 25 лет, профессору Курту Хуберу — 49 лет.

«Я ПРАВОСЛАВНЫЙ. МЫ КРЕСТИМСЯ ИНАЧЕ»

Александр Шморель родился в городе Оренбурге на реке Урал 16 сентября 1917 года⁴ — за несколько недель до Октябрьской революции, которая перевернула жизнь его семьи и всей страны.

Дед Александра Карл-Август Шморель приехал в Россию из Восточной Пруссии в середине XIX века. Он открыл меховую лавку и создал первую в Оренбурге паровую лесопилку. Как и все немецкие купцы, Карл-Август был уважаемым членом оренбургского общества, но при этом

⁴ 3 сентября 1917 года по старому стилю; 3/16 сентября празднуется память святого Анфима Никомидийского, в житии которого много удивительных параллелей с жизнью святого Александра Мюнхенского (см. приложение в конце книги). Факты о детстве и юности Александра собраны из: *Игорь Храмов*. Русская душа «Белой розы». Оренбург, 2009; из биографического вступления Кристианы Мольт к сборнику писем Александра Шмореля и Кристофа Пробста *Alexander Schmorell, Christoph Probst. Gesammelte Briefe*. Berlin, 2011; *Richard Hanser*. A Noble Treason: The Revolt of the Munich Students against Hitler. San Francisco, 2012; *Annette Dumbach and Jud Newborn*. Sophie Scholl and the White Rose. London, 2006.

сохранял немецкое подданство и протестантское вероисповедание.

Гуго Карлович, отец Александра, появился на свет в Оренбурге и был воспитан в протестантской вере. В юности он сначала учился ботанике в Московском университете, затем отправился в Мюнхен изучать медицину. Получив диплом в 1907 году, он вернулся в Россию, занялся врачебной практикой и вскоре женился. Невеста, Наталья Петровна Введенская, была младше его на двенадцать лет⁵. Молодые обвенчались в оренбургской Петропавловской церкви в ноябре 1916 года. Через год в том же храме окрестили их первенца Александра.

Первая мировая, революция и Гражданская война принесли Шморелям много горя. Во время эпидемии тифа, разразившейся в городе, Наталья Петровна заболела и умерла. Годовалый Шурик остался сиротой. Гуго Карловичу, главному врачу госпиталя для немецких военнопленных, пришлось взять в дом няньку. Крестьянка Феодосия Константиновна Лапшина, которую домашние звали просто Няня, прожила в семье больше сорока лет, до самой своей смерти. В 1920 году доктор Шморель снова женился. Его вторая жена Елизавета Егоровна Гофман, дочь хозяина пивоваренного завода, была из оренбургских немцев.

⁵ По некоторым сведениям, в том числе и по воспоминаниям родственников, Наталья Введенская была дочерью священника.

Во время Гражданской войны Оренбург несколько раз переходил из рук в руки. В 1921-м, когда к власти окончательно пришли большевики и начались конфискации и притеснения, Шморелям пришлось бежать из России. Александру еще не исполнилось четырех лет. Семья поселилась в Мюнхене, в уютном доме, купленном для них богатым родственником, и доктор Шморель открыл частную практику.

Взяли с собой и Няню; чтобы она могла выехать из Советской России, ей сделали документы на имя Франциски Шморель, устроив фиктивный брак с пожилым сводным братом Гуго Карловича⁶.

В Мюнхене семья сохранила привычный уклад: пили чай из самовара, ели традиционные русские блюда — пельмени и блинчики, приготовленные Няней. В доме говорили по-русски. А Няня за всю жизнь выучила лишь несколько немецких слов.

Младшие дети, Эрих и Наташа, родились у Гуго и Елизаветы уже в Мюнхене. Они с детства знали русский язык. Их крестили в католичестве, по вероисповеданию матери, но при этом Елизавета сделала все, чтобы воспитать Александра в православии. Она приглашала в дом батюшку

⁶ Феодосия Лапшина (1877–1960) пережила Александра на семнадцать лет и была похоронена на кладбище Перлахер-Форст недалеко от его могилы под именем Франциска Шморель. На новом надгробном памятнике, установленном после того, как Эрих Шморель, брат Александра, был захоронен в ту же могилу, написано просто «Няня».